

Проклятая десятина

Клонит ветер шелковые зелены, солнце в жаворонковом свисте по небу летит, и от земли идёт крепкий, ржаной дух.

Одна только невсхожая полоса с бугра в ложину лежит чёрной заплатой — десятина бобыля...

У десятины стоит бобыль; ветер треплет непокрытую его голову.

— Эх, — говорит бобыль, — третий год меня мучаешь, проклятая! — Плюнул на родную землю и пошёл прочь.

Проходит неделя. В четверг после дождя встречается бобыля шабер и говорит ему:

— Ну, брат, и зелены же у тебя, — всё диву даёмся, уже заколосятся...

— Врёшь! — сказал бобыль... И побежал на свою десятину.

Видит — выпустили зеленя трубку, распахнули лист, и шумит усатый пшеничный колос.

На чудо не надивуется бобыль, а кошки сердце по-скребывают: зачем проклинал родную землю.

Собрал бобыль урожай сам-тридцать; из пудовых снопов наколотил зерна, и муку смолот, и замесил из первого хлеба квашню, и лёг подремать на лавке...

Ночь осенняя бушевала ледяным дождём, хлопали наотмашь ворота, выл в трубе ветер.

В полночь поднял бобыль голову и видит — валит из квашни дым. Надувшись, слетела крышка, и поползло через края проклятое тесто, рассыпалось на полу землём...

Смекнул бобыль, что с мукой-то неладно, повёз мешки в город к старому пекарю...

Пекарю муку эту продал, деньги зашил в шапку; потом шапку распорол и деньги все пропил, и, когда домой собрался, не было у него ни денег и ни подводы, — один нос разбитый.

Пекарь в то же время замесил из бобылевой муки кренделя, поставил в печь и, когда пришло время, — вытащил на лопате не подрумяненные кренделя, а такие завитуши и шевырюшки, что тут же обеспамятел и послал жену к дворянину продать муку за сколько даст.

Дворянин сидел в саду, одной рукой держал наливное яблочко, другой писал записки.

— Что тебе, милая? — сказал дворянин тонким голосом и прищурился.

— Насчёт пшеничной муки, — сказала пекарева жена, — старик-то мой больно плох...

Купил дворянин в долг проклятую муку и пригласил детей дворянских пирожки с вареньем кушать.

Под сиреневым кустом сели дворянские дети, взяли каждый по пирожку и откусили, а в пирожке лапти — крошёные, старые онучи, щепки, — всякая дрянь.

Побросали дворянские дети пирожки и подали на дворянина в суд.

Прослышал про все это дело король и сказал:

— Я их всех сам буду судить.

И встали перед светлые его очи: дворянин, пекарь и бобыль... Бобыль как встал, так и глаза разинул и босой ногой почесал ногу.

Король велел объявить все, как было. Выслушал. Державой и скипетром потряс и говорит:

— Проклял ты, бобыль, родную землю, и за то тебе будет наказание великое.

И приказал мужика отвести вместе с мукой на проклятую десятину, чтобы всю муку приел... Так и сделали... Посадили бобыля посреди его земли и ковшом в рот стали муку сыпать. Три раза попросил бобыль водицы, целую меру приел.

Приел, и распучило. Руки растопырились и одеревенели, через колени на землю поплыл живот, и полезли из бобыля шипы, а волосы стали дыбом, как репей.

Кругом бобыля порос густой и непролазный бурьян по всей десятинае.

И долго спустя слышали в колючих порослях — жевало и ухало: то, сидя на земле, ел и проесть не мог проклятую муку проклятый бобыль.

